

Рифма в древнеанглийских письменных памятниках

Инна Г. Матюшина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, innamat@hotmail.co.uk*

Аннотация. Статья посвящена изучению функций неканонизованных созвучий в аллитерационном стихе. Рифмованные формулы и словесные повторы, в которых фонетическое сходство служебно по отношению к смысловому подобию, заполняют краткую строку и широко используются в памятниках, восходящих к устной традиции. В длинных строках анафорическая и стыковая рифма выполняют функции, общие с аллитерацией – кульминативную и связующую. Более редкие кольцевые созвучия наделяются двойственной функцией в стихе: они подчеркивают автономность долгой строки и способствуют разрушению ее акцентного рисунка. Конечная рифма, немотивированная лексическими повторами, однако опирающаяся на ритмико-синтаксический параллелизм, усиливает внутристриховую цезуру и разбивает ритмический ряд долгой строки на самостоятельные отрезки. Изучение функций различных типов рифмы позволяет показать изменения в стихосложении древнеанглийских поэтических памятников. В типологически ранних древнеанглийских поэмах, восходящих к устной традиции, преобладают типы рифмы, служащие укреплению аллитерационного стиха (анафорические и стыковые созвучия, рифма в нечетных кратких строках). В стадияльно поздних письменных памятниках число повторов и рифмованных парных формул сокращается, а конечная рифма, принимающая участие в метрической организации стиха, выделяется по своей употребительности и функциональной значимости. В поэмах, включенных в «Англосаксонскую хронику» и потому точно датируемых, обозначается функциональный перевес конечной рифмы не только над другими видами неканонизованных созвучий, но и над аллитерацией. Исследование звуковых повторов оказывается надежным показателем относительной типологической архаичности памятника, а потому может быть использовано в датировке текстов.

Ключевые слова: древнеанглийская поэзия, рифма, аллитерация, устная и письменная традиция

Для цитирования: Матюшина И.Г. Рифма в древнеанглийских письменных памятниках // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 3. С. 123–148. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-123-148

Rhyme in Old English alliterative poems

Inna G. Matyushina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, innamat@hotmail.co.uk*

Abstract. The main focus of the article is the study of the sound organisation of Old English alliterative verse. In nearly a third of the extant lines of Old English poetry, alliteration is enriched by additional sound devices, whose structure and function appear to be crucial for the development of Old English metre. The function of consonances and full rhymes is studied not only in the units of poetic speech, such as compound words, lexical repetitions, repetitions of genetically related words and rhymed formulas, but also in the metrical units of verse (long and short lines). The change in the distribution of different types of rhymes and consonances within half- and long lines is accounted for by the linguistic changes as well as by transformations taking place in alliterative verse. In typologically late written texts, where alliterative verse begins to metamorphose, internal rhymes are used comparatively rarely, but the repetition of sounds usually involves the fourth stressed syllable of the line, which was avoided by alliteration. In long lines, anaphoric and chiasmic rhymes perform functions common to alliteration, culminating and connecting. Less frequent ring rhymes are endowed with an ambivalent function in verse: they emphasise the autonomy of the long line and contribute to the destruction of its accentual pattern. End rhyme, unmotivated by lexical repetitions but originally relying on rhythmic-syntactic parallelisms, reinforces the internal caesura and breaks the rhythmic pattern of the long line into independent segments. Typologically early Old English poems, derived from the oral tradition, are dominated by rhyme types that serve to strengthen alliterative verse (anaphoric and chiasmic rhymes, rhyme in odd short lines). Among the various sound devices participating in the phonetic arrangement of verse in typologically late written poems, end rhymes, which destabilise the structure of alliterative verse, acquire special functional significance. The analysis of the sound organisation of alliterative verse appears to establish the most reliable criterion for tracing the evolution of Old English metre and can therefore be used to assess the reliability of other criteria for dating Old English poems such as changes in phonology (the appearance of epenthetic vowels, lengthening of vowels as a result of the loss of [h], shortenings due to the loss of intervocalic sounds, the syncope and apocope

of unstressed vowels), hypermetric lines, placement of the caesura and alliterative canons.

Keywords: Old English poetry, rhyme, alliteration, oral and written tradition

For citation: Matyushina, I.G. (2026), "Rhyme in Old English alliterative poems", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 123–148, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-123-148

В древнеанглийских поэтических памятниках наряду с аллитерацией, выполняющей организующую роль в метрической композиции, используются добавочные необязательные звуковые повторы, лишённые композиционной функции в стихе. Такими созвучиями, функционально представляющими собой эмбриональные формы рифмы, связаны более трети всех строк древнеанглийских поэм до XI в. Тем не менее это важное явление звуковой инструментовки стиха до сих пор остается обойденным вниманием исследователей. В фундаментальных трудах по средневековой английской метрике необязательные звуковые повторы, не имеющие отношения к аллитерации, обычно не упоминаются [Fulk 1992; Hutcheson 1995; Terasawa 2011]. Современные исследования древнеанглийской рифмы, насколько известно, до сих пор остаются единичными: таковы монография Томаса Бредехофта, сосредоточенная на метрическом анализе древнеанглийского аллитерационного стиха [Bredchoft 2005], глава в фestsрифте Джеффри Рассома, посвященная изучению приема полиптотон [Toswell 2016], статья о рифме в поэме «Битва при Мэлдоне» [Atherton 2022, pp. 104–120] и серия обзорных статей Фрога, в фокусе которых находится преимущественно средневековая скандинавская поэзия [Frog 2023, pp. 32–60]. Несмотря на постепенное пробуждение интереса к анализу звуковой инструментовки аллитерационного стиха, она до сих пор изучена недостаточно систематически, безотносительно к вопросам устности и книжности и вне связи с жанровыми характеристиками памятников.

В исследовании древнеанглийской рифмы важно учитывать относительную стадильную (и по возможности хронологическую) древность памятников, ибо датировка большинства древнеанглийских текстов не всегда возможна. Исключения составляют немногие точно датируемые древнеанглийские произведения, такие как «Гимн Кэдмона» (680 г.), «Предсмертная песнь Беда» (735 г.), «Битва при Брунанбурге» (937 г.), «Битва при Мэлдоне» (991 г.), поэмы Англосаксонской хроники. Историко-типологическая классификация жанров дает возможность выделить «более древние,

исконные жанры, т. е. такие, которые находят параллели в древнейшей поэзии других германских народов, и, с другой стороны, жанры более новые, сложившиеся, скорее всего, в христианскую эпоху и часто имеющие прозрачные связи со средневековой латинской литературой» [Смирницкая 1982а, с. 179]. К древнейшим жанрам, восходящим к устной традиции, относятся памятники героического эпоса, гномическая поэзия, заклинания, поэма «Видсид», дающая образец древнейшего жанра перечней имен, два дошедших до нас фрагмента эпической поэмы о Вальдере. К типологически поздним жанрам, опирающимся на книжную, письменную традицию, принадлежит духовная поэзия, в частности поэмы «Христос», «Судьбы апостолов», «Парижская Псалтирь», и произведения с преобладающим лирическим началом, такие как «Руины», отдельные стихотворения, включенные в Англосаксонскую хронику. Звуковая организация памятников, возникших письменным путем, существенно отличается от инструментовки поэм, восходящих к устной традиции. Анализ особенностей стихосложения древнеанглийских памятников позволяет показать изменения, накапливающиеся в звуковом строе стиха.

Объем звукового соответствия, необходимый для того, чтобы созвучие было заметно в аллитерационном стихе и могло считаться рифмой или рифмоидом, можно установить, опираясь на скальдическую систему внутренних рифм (хендингов) и эддических созвучий, преемственно с ними связанных [Matyushina 1994, pp. 103–138]. В древнеанглийской поэзии рифмой можно считать точное совпадение всех звуков ударного слога (ср. скальдический адальхендинг): *stunde : wunde, sceoldon : heoldon, wide : side, gleam : dream*¹ и консонанс (ср. скальдический адальхендинг): *hund : wond, þing : leng*. Ассонансы могут быть рассмотрены как вариант рифмоидов, если встречаются в непосредственной близости к точной корневой рифме, используются на значительном промежутке текста (более двух строк) и стремятся к константе. В древнеанглийском стихе такое употребление может иметь только конечная рифма, которая применяется в эпилоге поэмы «Елена» (с. 1242–1246), где наряду с точной конечной рифмой (*fus : hus, nearwe : gearwe*) и в той же функции применяются ассонансы (*wæf : læs, onlag : had*). Корневые ассонансы углубляют аллитерацию начальных согласных в главноударных слогах, акцентируя фразовый ритм стиха: *swa*

¹ Здесь и далее примеры цит. по изданию древнеанглийских поэтических памятников Крэппа и Добби (The Anglo-Saxon Poetic Records: a Collective Edition / Ed. by G.Ph. Krapp, E. van K. Dobbie. Vol. 1–6. N.Y.: Columbia Univ. Press; L.: Routledge: Kegan, 1931–1953).

mihtigne on his modgepohte; / he let hine swa micles wealdan (Genesis 253). Особую функциональную значимость они приобретают в перегруженных безударными слогами строках типологически поздних памятников, в которых даже двойная аллитерация с трудом уравнивается на слух. В типологически поздних памятниках, для которых характерен низкий уровень канонизованности стиха, ассонансы компенсируют растягивание акцентных схем и облегчают восприятие метрической композиции стиха, нотированной аллитерацией [Матюшина 2008, с. 251–281].

Древнеанглийская рифма неотделима от акцентной схемы стиха и по условию связана с созвучиями корневых морфем, поэтому неравносложные созвучия с разными безударными слогами (fæderan : ætgædere, healdanne : gewealdene) и созвучия с отсеченным конечным согласным или целым слогом (sealed : anweldan, grunden : gemunde) могут быть рассмотрены как эмбриональные формы рифмы, в то время как даже самые точные созвучия метрически безударных слогов с второстепенно-ударными (earn ic wæs on eðle þinum / þæt þu wurde eadig on minum, – Christ 11. 1495–1498), а также неравноударные созвучия, образованные при объединении безударного или малоударного слога с корневым слогом полноударного слова (man : habban, stod : gewurðod, willan : can), приводимые в наиболее полном исследовании о древнеанглийской рифме², рифмами в аллитерационной поэзии считаться не могут, хотя и участвуют в звуковой инструментовке стиха.

Суффиксально-флективные созвучия в древнеанглийских памятниках появляются в непосредственной близости к корневым рифмоидам и используются в сравнительно больших отрезках текста (четыре кратких строки и более): ne forstes fnæst, / ne fyres blæst, // ne hægles hryre, / ne hrimes dryre, // ne sunnan hætu, / ne sincaldu (Phoenix 15-17). В отличие от корневых рифмоидов, связанных с выражением лексического значения, суффиксально-флективные созвучия подчеркивают грамматическое значение слов. В.М. Жирмунский писал о суффиксальных рифмах, что они «не могут иметь специфического смыслового воздействия, они по преимуществу звуковые, в то время как рифмы коренные являются резко выраженными смысловыми рифмами»³. В поэме «Беовульф», завершающейся хвалой умершему конунгу и использующей ритмико-синтаксический параллелизм эпитетов в превосходной степени: manna mildest / ond monðwærust, // leodum liðost /

² Kluge F. Zur Geschichte des Reimes im altgermanischen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1884. Bd. 9. S. 422–450.

³ Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975. С. 292.

ond lofgeornost (Beow. 3181–3182), суффиксальные рифмоиды тяготеют к позиции на конце соседних кратких строк и, следовательно, имеют более ограниченную локализацию, чем звуковые повторы в корневых морфемах. Употребление этого вида рифмы, как правило, связано с ритмико-синтаксическим параллелизмом, т. е. предполагает такое построение стиха, в котором краткие строки заканчиваются словами одинаковыми по своей синтаксической функции. В отличие от суффиксальных созвучий, встречающихся в единицах неравной длины, рифмоиды, находящиеся в строках, которые тяготеют к изосиллабизму и составляют ритмические группы, не могут остаться незамеченными ни при устном исполнении, ни в письменном тексте. Конечные созвучия такого рода, приобретающие статус самостоятельных звуковых повторов, приближаются по своему использованию к строгим формам точной рифмы и, оставаясь на положении эмбриональных рифмоидов, дают историческую перспективу ее развития.

*Рифма в единицах поэтической речи:
рифмованные формулы, повторы и сложные слова*

В древнеанглийских памятниках, восходящих к устной традиции, распространены такие единицы поэтической речи, как парные формулы, включающие созвучия корневых морфем (354 примера), сложные слова с созвучными компонентами (63 примера) и повторы одного и того же слова с изменением его грамматической формы (77 примеров). Сложные слова вообще и сложные слова с созвучными компонентами, такие как *þryðswyð*, *foldbold*, *sondlond*, *eardgeard*, служат опорой одной из основных единиц аллитерационного стиха – краткой строки. Благодаря своей просодической структуре сложные слова подчеркивают иерархию метрических позиций. Включая слоги с второстепенным ударением, они используются в двух из пяти основных метрических типов D (/ / \ X или / / X \) и E (/ \ X / или / X \ /)⁴ и всегда занимают самые важные для аллитерационного стиха позиции: как правило третью или первую вершину, реже – вторую. Так, слово *wordhord* – «сокровищница слов» шесть раз встречается в третьей главноударной позиции (*Widsið Ib*, Beow. 259b, *Order of the World* 19b, *Andreas* 316b, 602b, *Metres of Boethius: Metre 6, 1b*) и только один раз – в первой (*Vainglory* 3a). Созвучие в сложных словах служит опорой алли-

⁴ Типы стиха приводятся по основополагающей работе Е. Сиверса (*Sievers E. Altgermanische Metrik*. Halle: Niemeyer, 1893. S. 101 ff.).

терации, вовлекая в звуковой повтор слог, несущий второстепенное ударение. Сложные слова употребляются на сильноударных местах в строке не только вследствие их звуковой структуры, но и благодаря их семантической значимости: это всегда существительные и прилагательные и, как правило, поэтизмы или *hæra legomena*. Тем самым, с одной стороны, созвучие корневых морфем делает все слово в целом более заметным в строке (что соответствует его значимости в поэтическом языке), а с другой – дополняет аллитерацию и подчеркивает метрическую соотнесенность всех ударных слогов, в том числе и второстепенно-ударных.

В формулах так же, как и в сложных словах, созвучие ударных корневых морфем служит для оформления не единиц стиха, но единиц поэтической речи. В древнеанглийских памятниках обычно встречаются симметричные формулы, включающие слова одинаковой просодической структуры, как правило, одно- или двусложные, которые выделяются только корневым звуковым повтором (*dream ond gleam*) или (значительно реже) и аллитерацией⁵. Асимметричные формулы, такие как *bord ond bradswurd* (Mald. 15a), *lac ond luftacen* (Andr. 1135a), *scearp ond scurheard* (Rid. 631a), встречаются реже, чем симметричные, и наделяются характерной особенностью – обычно, кроме рифмы, в них используется еще и аллитерация, причем рифмой отмечаются лишь те морфемы, которые не аллитерируют. Малое число формул, содержащих и корневое созвучие, и аллитерацию (*freond ond feond*, *wecpan ond wrecpan*, *sag ond swar*), может быть объяснено тем, что рифма и аллитерация по природе своей суть противоположные начала [Matyushina 2011, pp. 31–53]. Если формулы, содержащие звуковой повтор, функционируют в стихе, где основную роль играет аллитерация, то созвучие, используемое для построения их как единиц поэтического языка, и аллитерация, организующая стих, сосуществуют в двух разных плоскостях – в стихе и в языке. Из сказанного не следует, однако, что контакт между корневым созвучием, использованным в формулах и принадлежащим поэтическому языку, и аллитера-

---

⁵ Использование рифмованных парных формул не ограничивается в древнеанглийских письменных памятниках языком поэзии, они нередко встречаются и в прозаических текстах: законах, проповедях, Англосаксонской хронике и др. Например, в древнеанглийских законах: *unclæne ond unmæne* 40b, *ceorl ond eorl* 72, 156, 386, 388, *gripian ond friðian* 250, 252, *ræd ond dæd* 406 (цит. по: *Lieberman F. Die Gesetze der Angelsachsen*. Halle: M. Niemeyer, 1903); в проповедях Вульфстана: *swicol ond ficol*, *slitan ond bitan*, *stalu ond cwalu*, *granung ond wanung*; в проповедях Эльфрика: *on æte ond on wæte* (цит. по: *Kluge F. Op. cit. S. 422–450*).

цией, участвующей в построении стиховых единиц, невозможен. В данном случае этот контакт осуществляется не на стиховой, а, скорее, на языковой основе, так как аллитерация в силу неполной отвлеченности от элементов языковой формы сохраняет искони присущую ей связь с языком [Смирницкая 1994].

По законам аллитерационного стиха, требовавшим исключения из аллитерационных повторов четвертого ударного слога долгой строки, формулы, содержащие корневое созвучие и аллитерацию, могут стоять только в нечетных кратких строках. Занимая первую и вторую главноударные позиции в стихе, обычно маркированные аллитерацией, формулы с созвучными компонентами укрепляют основную единицу древнеанглийского стиха – краткую строку. Корневое созвучие в таких формулах добавляется к аллитерации, делая звуковой повтор более глубоким. Напротив, формулы, элементы которых объединены только корневым созвучием, но не аллитерацией, обычно занимают четную краткую строку (из 286 созвучных формул 223 располагаются в *b* стихе). Преимущественно в четной краткой строке употребляются такие формулы, как *wordum ond bordum* (El. 24b), *wædum ond dædum* (Gifts of Men 90b), *widdra ond siddra* (Exodus 428b). Последняя из приведенных формул *wide ond side* – «далеко и широко» 14 раз применяется во четной краткой строке и только один раз – в нечетной. Встречаясь преимущественно в четных полустушиях, созвучные формулы выделяют звуковым повтором самый слабый в аллитерационном стихе – четвертый ударный слог, никогда не включавшийся в аллитерацию. Таким образом, в этих случаях корневое созвучие дополняет аллитерацию и показывает метрическую сопричастность всех четырех ударных слогов.

Дистрибуция формул со звуковыми повторами различна в памятниках, восходящих к устной и письменной традиции. Если в «Беовульфе» созвучные парные формулы используются часто (около 80 примеров), то в стадиально поздних поэмах число их сокращается: в «Битве при Мэлдоне» (конец X в.) таких формул 12 на 325 стихов, а в отдельных стихотворениях Англосаксонской хроники (X–XI вв.), представляющих собой письменные тексты, они отсутствуют. Сокращение числа созвучных формул в типологически поздних поэмах объясняется процессами, происходящими в аллитерационном стихе (ослаблением функции аллитерации, возникновением несоответствия между аллитерацией и языковым ударением, выравниванием акцентного рисунка долгой строки), языковыми изменениями (синтаксическими и морфологическими процессами, обусловившими повышение частотности служебных слов, «тушащих» аллитерацию; количественными

изменениями ударных и безударных слогов, элиминацией количественных противопоставлений как важного фактора, определяющего ритм аллитерационного стиха, редукцией флексий, анализацией языка, проникновением французских заимствований с ударением на последнем слоге), внешними экстралингвистическими причинами (важнейшим из которых был перерыв в литературной традиции, вызванный нормандским завоеванием) [Смирницкая 1970, с. 71–89].

В героическом и духовном эпосе встречаются не только рифмованные формулы, но и повторы одних и тех же слов в разных грамматических формах (34 примера). Словесный повтор приводит к появлению точных созвучий, захватывающих ударные слоги: an æfter anum (Beow. 2461a), mæg wið mæge (Beow. 1978a), of dæge on dæg (Paris Psalter 60a). Повторение слов восходит к приему магического воздействия, имеющему особый сакральный смысл и придающему действенность ритуализованным клятвам и заклинаниям. Первичные признаки стиха – аллитерация и рифма – в словесных повторах уже заданы самим языковым материалом и появляются лишь как следствие тождества лексем. На смену магической основы повторов приходит, как пишет Е.М. Мелетинский, «чисто стилистическая функция в смысле акцентирования отдельных стихов или их объединения»⁶. Словесные повторы, очевидно, представляют собой наиболее архаичное средство организации стиховых единиц, что говорит о близости их формальной организации древнейшим протостиховым формам германской словесности.

В типологически поздней духовной поэзии распространена формула превосходной степени (43 примера), представляющая собой вариант словесного повтора: ealra dryhtna dryhten (El. 371a), ealra þrumma þrumm (El. 483a), on worulda woruld (Gloria I, 42a). Самоочевидно, что использование словесных повторов ограничивается только первым полустипом и функционально сближается с аллитерационными формулами. Избежать двойной аллитерации позволяет своеобразный вариант этого приема – субститут со словом «одег» – «другой». Оба варианта могут находиться в дополнительной дистрибуции в соседних кратких строках: fyrd sceal wið fyrde / feond wið oðrum (Proverb from Winfrid's time 52). Конструкции со словом «одег» всегда встречаются в четных кратких строках, например, в «Беовульфе» (Beow. 652b, 870b, 2484b, 2985b), «Андреасе» (Andr. 138b, 1165b), «Елене» (El. 233b). Единственным исключением оказывается сочетание broðor oðrum (Riddles 44, 12a),

⁶ Мелетинский Е.М. Эдда и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. С. 21.

broðor oðerne (Beow. 2441a), представляющее собой не словесный повтор, но чисто звуковое соответствие.

Менее точные созвучия получаются при повторении этимологически родственных, но более далеких по своему родству слов: gewit witgan (Christ 1193a), dogora dægrim (Beow. 824a), þæt leohte leoht (Christ 592a). Хотя такие этимологические повторы менее распространены, чем повторы одного и того же слова (16 примеров), и те и другие высоко функциональны в аллитерационном стихе. Начинаясь на гласный или на одинаковый согласный, они занимают позиции сильных метрических ударений (первого и второго), объединяемых аллитерацией. К двойной аллитерации здесь присоединяется созвучие всего ударного слога, ассонанс или консонанс. Кроме того, имея в своем составе безударные слова (предлоги, союзы, местоимения), лексемные повторы способны целиком заполнить все первое полустишие. Неудивительна поэтому частотность всех видов повторов в классическом аллитерационном стихе. В сложных словах, формулах и повторах однокоренных и этимологически родственных слов созвучия применяются для построения единиц поэтического языка и, углубляя звуковой повтор, который задан аллитерацией, организующей метрическую структуру, способствуют наиболее компактному оформлению кратких строк и укреплению аллитерационного стиха.

Рифма в кратких и долгих строках

Существование единиц поэтического языка (рифмованных формул, сложных слов и повторов одних и тех же или этимологически тождественных слов) служит опорой для наиболее архаичного вида созвучий, ограниченного пределами одной краткой строки. В отличие от компонентов поэтического языка внутристриховые созвучия дают пример звукового повтора в строгом смысле, используемого для создания собственно единиц стиха. Этот звуковой прием состоит в том, что рядом с аллитерацией, объединяющей метрически главенствующие слова, в полустишии появляются созвучия корневых морфем, такие как þurh slīðne nið (Beow. 322b). Главное отличие немотивированных рифмоидов от созвучий, созданных любыми видами повторов лексем, заключается в том, что в них фонетическое тождество самоценно, отделено от смыслового подобия и не представляет собой его прямое следствие.

В стадияльно ранних памятниках этот тип звуковых повторов тяготеет к нечетным полустишиям. В поэме «Елена», например, только три из 20 примеров внутристриховых созвучий помещаются

в четных кратких строках. В основном же использование звуковых повторов ограничивается в этом памятнике нечетными краткими строками, например: *fæste gelæston* (El. 1212a), *abreotan on beorge* (El. 510a), в «Беовульфе» 40 внутристриховых созвучий из 53 тоже встречается в нечетных полустихиях: *mæton merestræta* (Beow. 514a), *lond Brondinga* (Beow. 521a), *hearde heaðoscearde* (Beow. 2829a). Аллитерация здесь строит акцентную схему краткой строки, корневые созвучия лишь дополняют ее структуру, выделяя неаллитерирующий слог и присоединяя его к соседнему, аллитерирующему.

Напротив, в типологически поздних древнеанглийских памятниках, основанных на письменной традиции, внутристриховые созвучия тяготеют ко второй краткой строке. Так, в «Битве при Мэлдоне» таких созвучий немного (всего шесть на 325 строк), причем пять из них стоят в четных полустихиях: *eorl to þam ceorle* (Mald. 132b). В поэме «Руины» все внутристриховые созвучия помещены во второй краткой строке: *scorene bedrorene* (Ruin 4b); *forweorone geleorone* (Ruin 7b); *weal eal befeng* (Ruin 42b); *hryne wong gecrong* (Ruin 33b). Опираясь на созвучные сложные слова, формулы и повторы, неканонизованные внутристриховые созвучия укрепляют одну из двух главных единиц аллитерационного стиха – краткую строку. Укрепление краткой строки и выделение ее в качестве основной метрической единицы, как и в скальдической поэзии, способствует расшатыванию фразового ритма и разрушению автономии долгой строки. Если в стадильно ранних памятниках (например, в «Беовульфе» и «Елене») часто встречающиеся внутристриховые созвучия в основном располагались в нечетных кратких строках, то в типологически поздних памятниках они, во-первых, становятся более редкими, а во-вторых, занимают четные полустихия, акцентируя тем самым слабейшую в стихе четвертую вершину. Таким образом, четвертый ударный слог также начинает выделяться звуковым повтором, что нарушает иерархию метрических ударений в аллитерационном стихе.

Во внутристриховых созвучиях и в единицах поэтической речи (формулах, повторах и сложных словах) рифма заключена в пределах краткой строки, однако в древнеанглийских памятниках рифмующиеся слова могут располагаться внутри долгих строк. Анафорические созвучия создаются тем, что в начале первой и второй краткой строки (соответственно на первой и третьей вершинах) помещаются однокоренные или генетически родственные слова: *mon on mode / mondryhtne bæc* (Beow. 2281), *hæle hildedeor / hæleda mongum* (Beow. 3112). Если позиции первого и третьего ударного слога занимают слова этимологически друг с другом не

связанные, то возникает рифма, немотивированная языковыми связями: *sipe gesohte, / þær ic swiþe me Jul. 452), wiðsteall geworht. / Ic þæs wealles geat (Jul. 401)*. С помощью этого, самого частотного в древнеанглийской поэзии типа эмбриональной рифмы (354 примера точных созвучий) выделяются два наиболее сильных и обычно включавшихся в аллитерацию ударных слога в строке – первый и третий. Рифма здесь совершенно подчинена аллитерация и способствует организации главной единицы аллитерационного стиха – долгой строки.

Если созвучия, связывающие первый и третий ударные слоги, следует отнести к анафорическим, то созвучия, объединяющие второй и третий слоги, можно назвать стыковыми. Созвучия на стыке полустиший (306 примеров), как и анафорические, могут охватывать и слова этимологически родственные: *þurh hredra gehygd / hyges cunnian (Beow. 2046), lað ond longsum / wæs hit lengra fyrst (Beow. 134)*, и слова, генетически друг с другом не связанные: *eafod uncudes / ude is swiðor (Beow. 960), fyr on flode / ne þæs frod leofa (Beow. 136)*. В анафорической и стыковой рифме третий, самый просодически сильный слог, всегда вовлекается в созвучие, а первый и второй – попеременно. В 3182 стихах «Беовульфа» анафора или стык (полная рифма, консонанс и ассонанс) используются для объединения полустиший 668 раз, причем анафора (353 примера) незначительно преобладает над стыком (315 примеров). В «Елене» на 1321 строку встречается 228 примеров созвучий (учитываются все виды звукового состава), выделяющих первый или второй и третий ударные слоги (из них 132 – анафоры и 96 – стыковых рифм). Таким образом, в «Беовульфе» и «Елене» пятая часть всех строк объединена выделенными видами рифмы. Созвучия на первом и третьем ударных слогах встречаются несколько чаще, чем на втором и третьем слоге, что точно соответствует расстановке аллитерации на этих слогах – первый и третий слог аллитерируют чаще, чем второй и третий.

Анафорические и стыковые рифмоиды, как правило, вовлекают в звуковой повтор слова, которые могут быть естественно объединены благодаря своему лексическому значению. Смысловое соответствие здесь основывается на существовании определенных связей между явлениями, понятиями или предметами внеязыковой действительности. Рифмоиды не имеют иной функции, кроме создания созвучий, объединяющих в смысловые группы слова, связанные общностью значений или стилистических коннотаций. Особенно тонко пронизанные звуковыми повторами семантические системы мы находим в древнеанглийской духовной поэзии, где почти на каждое ключевое понятие откликается эхо постоянно

сопровождающих его слов. Более 10 раз в поэмах «Книга Бытия», «Гутлак», «Феникс» и гномических стихах повторяются в пределах одной долгой строки слова: *Fæder* – «отец, Господь» и *fæger* – «прекрасный, чудесный»: *fægre gefylled / Fæder Ælmihtig* (Phoenix 627) – «прелестью исполненный, Отец Всемогущий»; *fægre gefraetwod / in heoga Fæder rice* (Genesis 307) – «прелестью украшенный в царстве Отца их». Если с названием Бога «Отцом» – *Fæder* неразрывно ассоциируется понятие красоты, благодати, то другой его синоним – *Drihten* сопровождается словами, имеющими значение «сильный, всемогущий» и «властвующий и созидующий все сущее» – *mihtig*, *Ælmihtig*, *Ælwihta*: *Eala, min Drihten / þæt þu eart Ælmihtig* (Metr. Boet, 20, 1) – «О, мой Господь, Ты Всемогущий»; *Ece Drihten / eade mihte* (Genesis 1442; 2058) – «Вечный Господь, чудная мощь».

В отдельных случаях слова *Ælmihtig* / *miht* и *Ælwihta* образуют свою устойчивую микросистему, не нуждающуюся в повторении ее центрального понятия *Drihten* – «Господь». Благодаря сохранению слов, привычно с ним ассоциирующихся в семантическом и в звуковом плане, эта лексема неявно присутствует и в этих стихотворных строках. Звуковая оболочка и семантика слова *Drihten* воссоздается, во-первых, всей звуковой структурой долгой строки (многократные повторения звуков *d/t*, *rt*, *iht*) и, во-вторых, употреблением синонимичного слова *Metod* – «Творец Господь»; *Metod Ælwihta / Hwæt þu eart mihtig swið* (Dan. 284) – «Творец всего сущего! Какой Ты могущественный!»; *Mod ond mihte / Metod Ælwihta...* (Dan. 14) – «Мысль и мощь, Творец всего сущего». Таким образом, звуковое построение текста способно образовывать и определенные сверхязыковые связи, организующие смысл.

Противоположный полюс в духовном эпосе представлен группой регулярно соотносимых между собой слов с лексемой *deofol* – «дьявол» и сопровождающих его слов *dead* – «смерть», *deorc* – «темный, мрачный» и *deop* – «глубокий»: *hit wæs þeah deades swefn / and deofles gespon* (Genesis B 720 / 485) – «был то смерти сон и дьявола наваждение», *þone deades beam / þurh deofles cræft* (Genesis B 492/257) – «то древо смерти по дьявольскому наущению», *on þa deoran dala / þar he to deofle weard* (Genesis B 305/71) – «В ту глубокую долину, где он дьяволом стал». В отличие от двух предыдущих групп (*Fæder* – *fæger*) и (*Drihten* – *miht* – *Ælwihta*) последняя звуковая и семантическая система не получила распространения за пределами трех поэтических памятников – «Книги Бытия», «Елены» и «Парижской псалтири».

В большинстве случаев (исключение составляет только система *Drihten* – *miht* – *Ælwihta*) рифма такого рода неотделима от аллитерации: именно через аллитерацию и благодаря ей она связа-

на со смыслом: «Аллитерация – это исконный знак сродства. Так, аллитерировали имена в княжеских династиях (Хальфдан – Хродгар – Хредрик), аллитерируют названия трех древнейших западногерманских племенных групп: ингевоны – истевоны – эрминоны» [Смирницкая 1982b, с. 190]. Аллитерация в древнегерманской поэзии не только организует стих, но и пронизывает, упорядочивает весь окружающий древних германцев мир. Корневая рифма изначально лишь помогает аллитерации яснее обозначить границы понятий и представлений, присущих этому миру – *worold*, традиционно объединяемому со словами *wundor* – «чудо» и *wuldor* – «великолепие». Система созвучий *worold* – *wuldor* – *wundor* пронизывает все древнеанглийские памятники от «Беовульфа» до «Метров Бозэция» (*þurh woruld worulda / wuldor on heofnum* (Christ 778) – «из миров мир великолепие на Небесах»; *Wendes ou þurh wuldor / þæt þu woruld ahtest* (Christ and Sat. 59) – «Претворяешь ты в великолепие, когда ты миром владеешь», *þu gesceope heofon ond eorðan / ond wuldre eall, / min Wundorcýning* (Ex. Prayer 2b-3) – «Ты создал небо и землю, и все великолепие, мой чудный Властитель») и встречается более 30 раз, передавая восхищение древних германцев великолепием мира, созданного Творцом.

Наиболее разветвленная и сложная по организации система выстраивается вокруг синонимов со значением «свет»: *leoht* и *leoma*. Как правило, они сопровождаются аллитерирующими и рифмующимися словами *leaf* – «дорогой, любимый, милый» и *leode* – «люди»: *Leoht wæs on leodum / leafum acýded* (Par. Psalt. III. 4) – «Свет был людям дорогим завещан»; *Leaf mid hyre leodum / leoht mod* (Gnom. 85-86) – «Любимый среди своих людей светлый Дух». Благодаря созвучию с *leaf* слово *leoht* нередко соединяется при помощи аллитерации и консонанса со словами *lif* – «жизнь» и *lof* – «хвала», «слава»: *Swylce lof ond lif / ond leaflic gefwærnes* (Judgement Day II 306) – «Такая слава и жизнь, и милая кротость»; *He lofe leohteð / leofe þa halgan* (Par. Psalt. 148.14) – «Он славой осветил любовь высокую». Созвучие слов *leoht* – *leaf* – *leode*, связанных аллитерацией и ассонансом, встречается в древнеанглийских письменных памятниках 28 раз, а созвучие *leoht* – *leaf* – *lof* – *lif*, объединенное консонансами, ассонансами и аллитерацией, – 16 раз. В большинстве случаев рифмоиды этого рода (как правило, весьма неточные – ассонанс или консонанс) опираются на аллитерацию и укрепляют традиционно присущую ей связь со смыслом.

К приведенным неточным созвучиям применимо рассуждение С.С. Аверинцева об античных и средневековых гомеотелевтах: «Фонетическое сходство слов может быть само по себе не так велико... Но дело в том, что это фонетическое сходство не самоценно,

а служебно; оно – всегда лишь знак словесной геральдики, выделяющий привилегированные слова, удостоверяющий их логико-семантическую параллельность и подчеркивающий их смысловое сближение или противоположение»⁷. Такая рифма всегда занимает только позиции главноударных слогов (первого или второго и неизменно третьего), включавшихся в аллитерацию, и выполняет ту же двойственную функцию, которая свойственна аллитерации в древнеанглийском стихе. С одной стороны, она играет связующую роль, соединяя две краткие строки в единицу более высокого ранга – долгую строку, и, с другой стороны, она имеет кульминативную функцию, выделяя наиболее важные ключевые понятия для всего текста⁸. Рифма помогает аллитерации установить смысловую связь не только между полустихиями, но и между соседними долгими строками: *leofum leodscipe / læran sceolde. // þa se leoda fruma / larum fylgde* (Seasons for Fasting 8, 9) – «любимый народ учить должен; тогда господин людей учению следовал». Регулярное воспроизведение подобных рифм не превращает их в банальные: неожиданные и оттого эффектные созвучия, объединяющие далекие смысловые ряды или малоупотребительные лексемы, чужды аллитерационному стиху, построенному на звуковом объединении семантически и стилистически совместимых слов в их традиционно-языковых значениях.

Объединенные рифмой семантические системы, подобные описанным выше, преимущественно встречаются в возникшей письменным путем христианской поэзии, в которой анафорические и стыковые рифмоиды распространены особенно широко. С течением времени число примеров анафоры и стыка в письменных памятниках заметно сокращается. В поэме конца X в. «Битва при Мэддоне» (325 стихов) встречается 16 примеров анафоры и стыка, в стихотворениях Англосаксонской хроники (начало XI в.) – один пример. Уменьшение числа рифм на первом, втором и третьем главноударных слогах связано с ослаблением акцентного рисунка долгой строки и выравниванием силы ударных слогов в типологически поздних письменных памятниках. Вторая вершина аллитерирует в них так же часто, как и первая, а «опорная» аллитерация третьего ударного слога соблюдается не всегда. В типологически поздних письменных памятниках созвучия редко занимают места главноударных слогов (третьего и первого или третьего и второго), но распространяются на самую слабую в аллитерационном стихе

⁷ *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. С. 226.

⁸ О двух функциях аллитерации см.: [Смирницкая 1982b, с. 189].

позицию четвертого ударного слога в долгой строке, образуя кольцевые и конечные рифмы.

Кольцевые рифмоиды вовлекают в созвучие первый и четвертый ударный слог долгой строки: heardra hynda. / Neorot eardode (Beow. 166); wong wisian. / he ofer willan giong (Beow. 2409). В древнеанглийских памятниках этот вид созвучий употребляется реже, чем анафора (в «Беовульфе» встречается 17 случаев таких рифмоидов, в «Елене» – восемь). Всего в древнеанглийской поэзии этот тип рифмы встречается около 60 раз. Из-за малочисленности примеров кольцевой рифмы трудно проследить ее распределение по памятникам, отражающим устную и письменную традицию. Редкость этого вида созвучий объясняется их противоречивой функцией в стихе: с одной стороны, они поддерживают аллитерацию на метрически сильном первом слоге, а с другой – вовлекают в звуковой повтор наиболее метрически слабый четвертый ударный слог.

Анафорические, стыковые и кольцевые рифмы используются для организации основных единиц аллитерационного стиха – долгих и кратких строк. Основываясь на противоречии, заложенном в самой структуре долгих строк, они или добавляются к аллитерации (анафора и стык) и углубляют тем самым звуковой повтор, или, распространяясь на исключенные из аллитерации ударные слоги (кольцевые созвучия), позволяют подчеркнуть метрическую принадлежность всех ударных слогов. В первых двух видах звуковых повторов (анафоре и стыке) рифма подчинена аллитерации и способствует объединению малых стиховых единиц (полустихий) в длинные строки. Кольцевая рифма отмечает пересечение стиховых и языковых единиц в конце строки. Функция кольцевых рифмоидов связана с необходимостью усиления конца строки и обусловлена несовпадением синтаксического и стихового членения в древнеанглийском стихе. Не случайно эти типы рифмы не получили дальнейшего развития в английской поэзии, так как существовать и развиваться такая рифма могла лишь в пределах системы аллитерационного стиха.

Эмбриональные формы конечной рифмы

Анафорическим, стыковым и кольцевым созвучиям функционально противоположны конечные рифмоиды, которые рано начинают использоваться в древнеанглийских памятниках, в частности в «Гимне» Кэдмона, первого английского поэта, известного нам по имени: þa middan-geard / monn-cynnes weard (Hymn. Caedm. 7).

В других поэмах, приписываемых Кэдмону («Даниил», «Исход», «Книга Бытия»), конечные звуковые повторы встречаются относительно редко. Однажды найденное созвучие повторяется в поэмах «кэдмоновского цикла» вновь и вновь: þa him white beorhte / wæstmas brohte (Genesis 1561/943); ides wlitebeorht / on woruld brohte (Genesis 1728/1112). Приведенные строки указывают на важную особенность ранних конечных рифмоидов – им необходима аллитерация. В таких долгих строках (16 примеров преимущественно в стадияльно ранних памятниках), помимо основной аллитерации, падающей на первый и третий слоги, рифма создает свою собственную аллитерацию, захватывая ею последние ударные слоги в кратких строках. Большинство случаев перекрестной аллитерации объясняется именно тем, что неточные по звуковому составу конечные созвучия ищут опору в аллитерации: leodon cyðeð / þonne liþan cymed (Gnom. 106); feþre on lifte, / feredon mid liste (Riddle 27,4). Называя «аллитерацией» созвучия начальных согласных, создаваемые конечными рифмоидами, следует иметь в виду ее чисто фонический аспект, намеренно отвлекаясь от важной для всей традиции германского стихосложения смысловой значимости аллитерации. В отличие от древнегерманской аллитерации, всегда выделяющей семантически наиболее ценные вершины в строке (из чего следует, что в древнеанглийском стихе по условию не может быть чисто стиховой аллитерации), конечная рифма возникает как звуковой прием принципиально иного типа. Эмбриональные конечные созвучия не создают той семантической мотивации звуковых связей, которая характерна и для аллитерации, и для опирающихся на нее анафорических, кольцевых и стыковых рифмоидов.

В древнеанглийских письменных памятниках число конечных рифм постепенно увеличивается. Если в поэмах кэдмонского цикла и в «Беовульфе» их еще относительно немного (в «Беовульфе» всего шесть примеров точных конечных рифмоидов и семь – неточных), то в типологически более позднем древнеанглийском тексте – «Елене» – конечные рифмоиды распространены значительно шире. «Елена» заключается эпилогом, содержащим знаменитую поэтическую «автобиографию» Кюневульфа (предполагаемого создателя этого памятника) и на протяжении 15 долгих строк использующим конечную рифму: þus ic frod ond fus / þurh þæt fæcne hus // wordcraeftum wæf / ond wundrum læs, // þragum þreodude / ond gepanc reodode // nihtes nearwe. / Nysse ic gearwe // be ðære rode riht / ær me rumran geþeaht // þurh ða mæran miht / on modes þeaht // wisdom onwreah – «Так я, старый и готовый к уходу, из этой брэнной обители, / Слова искусно сплетал и чудес-

но собирал, / Иногда размышлял и мыслями кружил / В тревоге ночи; не знал я точно, / Правду о Кресте, прежде чем мне великую мысль, / Славную мощью, в духовном знании / Мудрость открыла» (El. 1240–1249). В использовании техники конечной рифмы эпос Кюневульфа делает огромный шаг вперед по сравнению с поэмами Кэдмона и «Беовульфом». Наряду с точной конечной рифмой (fus : hus, nearwe : gearwe) в эпилоге «Елены» вводятся и ассонансы (wæf : læs), и консонансы (riht : gefeaht, miht : þeaht). В других приписываемых Кюневульфу поэмах («Юлиана», «Судьбы апостолов» и «Христос II») конечная рифма как прием, соотносящий наиболее слабые в аллитерационном стихе позиции – вторую и четвертую, распространена еще шире⁹. Помимо изолированных долгих строк, объединенных конечными рифмоидами, в этих памятниках появляются целые группы стихов, в которых используется рифма-концовка (ср. например, «Христос» 590–597; 1643–1647)¹⁰. Параллельно с распространением конечной рифмы, в поэмах, приписываемых Кюневульфу, начинают встречаться строки, в которых аллитерация вообще отсутствует, и тогда именно конечная рифма берет на себя организующую роль в строке, например: Christ hine blende / þe þis gewit awende (Christ 234). Другие виды рифмоидов (анафорические, стыковые и даже кольцевые), рассматривавшиеся как гипотетические возможности неосуществившихся типов метрической композиции, так или иначе служат более тесному объединению кратких и долгих строк. Не случайно все они, кроме кольцевых созвучий, тяготеют к позиции наиболее сильных в аллитерационном стихе ударных слогов. Подчеркивая автономность долгой строки, анафорическая, кольцевая и стыковая рифма способствует горизонтальному способу создания стиховых единиц, принятому в аллитерационном стихе. В отличие от этих видов рифмовки конечная рифма, располагаясь на самых слабых в аллитерационном стихе втором и четвертом ударных слогах и маркируя границу

⁹ В поэме «Даниил» в 764 строках встречается три примера точных конечных рифмоидов (14, 92, 197) и 13 неточных; в поэме «Исход» на 590 строки – два точных рифмоида (70, 231) и 17 консонансов и ассонансов, в 2935 стихах «Книги Бытия» девять строк содержат точные конечные рифмоиды и 38 – неточные.

¹⁰ Конечные рифмы содержатся в заключительных строках не только «Елены», но и других древнеанглийских поэм. Суффиксально-флективными рифмоидами заканчивается «Беовульф» (Beow. 3180–3182); корневая рифма встречается в последних строках «Рунической поэмы» (The Rune Poem, 92–94), «Юлианы», нескольких загадок и отдельных псалмов «Парижской псалтири».

звуковых рядов, служит не объединению, но соотносению кратких строк, обозначает структурное отношение одного звукового ряда к другому и принимает участие в организации протострофы. Несмотря на то что в древнеанглийских памятниках совершается процесс зарождения и постепенного укрепления конечной рифмы, англосаксонские поэты редко выходят за пределы освященного традицией национального искусства: использование аллитерации в ее композиционной функции обязательно, присутствие рифмы – факультативно.

Разрушая горизонтальную организацию стиха, конечная рифма оказывается способной соотносить как полустигшия, соседние по горизонтали, т. е. входящие в одну долгую строку (*fylle gefægon / fægere gefægon*, *Beow.* 1014), так и соседние по вертикали, т. е. входящие в разные долгие строки (*forð gefremede, / hwæþere him on ferhþe greow // breosthord blodreow*, *Beow.* 1718–1719) и предвосхищающие строфическое построение текста. В стадиально ранних древнеанглийских памятниках число рифм, соотносящих соседние долгие строки, ничтожно мало – в «Беовульфе» их всего семь. В произведениях наиболее архаичного жанра христианской поэзии, тесно связанной с германским героическим эпосом – в поэмах кэдмоновского цикла, рифмы этого вида тоже используются крайне редко: в «Данииле» – два примера, в «Книге Бытия» – шесть примеров, в поэме «Исход» – ни одного. Как правило, возникновение таких созвучий (обычно неточных по своему составу) обусловлено в стадиально ранних памятниках морфолого-синтаксическим параллелизмом, т. е. мотивировано языковыми соответствиями: *wæron mancynnes / metode dyrust, // dugoda dyrust, / drihtne leofost* (*Dan.* 36–37). Важную особенность приведенных строк составляет подхват аллитерации, заданной конечным созвучием предшествующей долгой строки. Таким образом, даже этот вид рифмоидов, по условию независимый от аллитерации, в стадиально ранних памятниках тесно с нею связан.

По сравнению с конечными рифмоидами, редко использовавшимися для соотношения четной и нечетной кратких строк, другие виды созвучий, объединяющие долгие строки, были значительно шире распространены в стадиально ранних древнеанглийских памятниках. В звуковой повтор включались главноударные слоги соседних долгих строк: (а) первые ударные слоги четной и соседней нечетной краткой строки: *gold glitnian / grunde getenge, // wundur on wealle, / ond þæs wurgmes denn* (*Beow.* 2759–2758); (б) третий ударный слог одной долгой строки и второй – соседней строки: *weana ne wende / to widan feore // bote gebidan, / þonne blode fah* (*Beow.* 933–934); (в) четвертый ударный одной долгой строки

и первый – соседней строки: Ic him þa maðmas, / þe he me sealde, // geald æt giðe, swa me gifede wæs (Beow. 2490–2491). В «Беовульфe» созвучия распределяются следующим образом: (а) 22 примера, (б) 16 примеров, (в) 9 примеров; в «Книге Бытия»: (а) 20 примеров, (б) 17 примеров, (в) 11 примеров; в поэме «Исход»: (а) 9 примеров, (б) 6 примеров, (в) 4 примера. Приведенные цифры, показывающие распределение различных типов созвучий в стадиально ранних памятниках, соответствуют дистрибуции анафорических, стыковых и кольцевых рифмоидов, что свидетельствует о том, насколько привычнее было для древнеанглийских скопов включать в звуковые повторы слоги, отмеченные сильным метрическим ударением.

Тем не менее между начальной, стыковой и кольцевой рифмой, использующейся в пределах одной долгой строки и соответствующими им видам созвучий в разных долгих строках, существует различие. Если первые способствуют автономии долгой строки, то вторые, напротив, казалось бы, ее разрушают. Необходимо иметь в виду, однако, основную особенность западногерманского стиха, объясняющую возможность применения созвучий, объединяющих соседние длинные строки, в отличие от скандинавского стиха, где подобные звуковые повторы почти не встречаются. В западногерманской поэзии ритмическое членение не совпадает с синтаксическим, т. е. предложение в ней нередко заканчивается не в конце, а в середине долгой строки. Использование созвучий в соседних кратких строках вызывает более тесное примыкание синтаксически связанных частей предложения и усиливает внутристриховую цезуру, отмечающую начало нового предложения. Примечательно, что из всех древнеанглийских поэтических памятников звуковые повторы этого вида отсутствуют лишь в «Видсиде», где граница между предложениями обычно проходит в конце долгих строк¹¹. В типологически более позднем (по сравнению с «Видсидом» и канонем Кэдмона) духовном эпосе Кюневульфа подобные рифмоиды используются значительно реже (в поэме «Христос» – четыре примера, в «Елене» – шесть, в «Юлиане» – два, в «Судьбах апостолов» – ни одного). Явное предпочтение в них (более 70 примеров) отдается созвучиям, разбивающим долгую строку на два соотносимых ритмических отрезка: rædþeahtende / rice healdan, //

¹¹ Совпадение ритмического и синтаксического членения в «Видсиде» (и в скандинавском эпосе) связывали с большей древностью этих памятников по сравнению с англосаксонской поэзией, считая синтаксические переносы (Hakenstil, enjambement) вторичными по отношению к «строчечному стилю» «Видсида» и эддической традиции (Noreen E. Eddastudier. Uppsala: Berling, 1921. S. 19).

duġudum wealdan, / ac þara dom leofað (El. 449–450). В поздних произведениях, возникших письменным путем, например, в «Парижской псалтири» и «Метрах Боэция», техника конечной рифмы достигает своего расцвета. В этих памятниках более 80 раз используется точное созвучие корневого морфем, к которому нередко добавляется и звуковое тождество заударных слогов: *syddan of gledon wesað / gearwe ahyrde. // Wa me þære wurde, / þæt min wynn alæg* (Par. Psalt. 119.4–5). Впервые за всю историю древнеанглийской конечной рифмы, в тяготеющих к счету слогов строках этих памятников начинают появляться созвучия, возникшие благодаря сближению омонимов: *wene ic forþon / þæt heo wel mæge // þæt swyðre mægen / sawel user*, Par. Psalt. 123.14–15), звуковое тождество которых подчеркивается изоморфизмом стиховых единиц. Появление омонимичных рифм в поздних (с типологической точки зрения) письменных произведениях представляется особенно важным при сопоставлении их с тавтологическими созвучиями в стадильно ранних памятниках. Если для тавтологических созвучий характерна неотчлененность звукового сходства от смыслового подобия, то в омонимичных рифмах, напротив, тождество элементов плана выражения выделяет несовпадение значений, обнажая их структурную связь. Таким образом, омонимичным древнеанглийским созвучиям в наибольшей степени присуща конфликтность формы и содержания, составляющая суть новой рифмы.

Укрепление и уточнение качественного состава конечных рифмоидов сопровождается и их количественным ростом. В «Парижской псалтири», например, число конечных созвучий в долгих строках возрастает по сравнению с «Беовульфом» более чем в 13 раз (97 примеров), а число конечных рифмоидов в пределах одной долгой строки – в 14 раз (104 примера)¹². Эти цифры показывают, что в рассматриваемом памятнике широко используются оба вида конечной рифмы, получающих качественный и количественный перевес над остальными типами созвучий. Из двух видов конечных рифмоидов наибольшую функциональную важность приобретают созвучия соседних долгих строк. В них ритмический ряд, еще

---

¹² Существенную роль в появлении конечных рифмоидов в «Парижской псалтири» и «Метрах Боэция» играют не только важные изменения в стихосложении этих памятников, но и особенности их формальной организации. Можно предположить, что замкнутая поэтическая форма сравнительно небольших стихотворений в «Парижской псалтири» и «Метрах Боэция» препятствовала развитию *enjambement* как основного принципа ритмико-синтаксического членения стиха и тем облегчала процесс распространения конечной рифмы.

сохраняющийся при первом типе конечной рифмы (в пределах одной долгой строки), распался на два самостоятельных отрезка, и краткие строки обособились в самостоятельные стихи, объединенные смежной рифмой. Конечная рифма, располагающаяся в двух долгих строках и требующая паузы между ними, разрушает важный для западногерманского стиха принцип несовпадения границ синтаксического и ритмического рядов. К концу древнеанглийского периода создаются условия, подготавливающие переход от системы стихосложения, основанной на аллитерации, к новому рифмованному стиху, и главная роль в процессе расшатывания аллитерационного стиха и становления новой поэтической системы, получившей развитие в письменных памятниках, принадлежит конечной рифме.

* * *

Изучение древнеанглийских письменных памятников показывает внутренние тенденции развития неканонизованных созвучий, приводящие к установлению обязательной рифмы. Словесные повторы, в которых первичные стиховые признаки (конструктивный элемент в строении стиха – аллитерация, и углубляющая ее полная корневая рифма) еще не отделены от языкового материала, а фонетическое сходство служебно по отношению к смысловому подобию и появляется в результате тождества лексем, можно рассматривать как первый шаг к выделению рифмы в звуковой прием.

Подавляющее большинство эмбриональных рифмоидов в древнеанглийских памятниках по своим функциям, местоположению и семантической отмеченности связано с аллитерацией. Так же как и аллитерация, они обычно располагаются на первой (или второй) и третьей вершинах в строке, выделяют наиболее важные смысловые единства и сплавивают краткие строки в долгую.

Анафорические и стыковые созвучия, чаще всего встречающиеся в древнеанглийских памятниках, выполняют функции, общие с аллитерацией (кульминативную и связующую). Более редкие кольцевые созвучия наделяются двойственной функцией в стихе; с одной стороны, они подчеркивают автономность долгой строки, с другой, уравнивая один из самых просодически сильных ударных слогов строки – первый, с самым слабым в аллитерационном стихе – четвертым ударным слогом, они способствуют разрушению акцентного рисунка долгой строки. Реже встречаются в ранних древнеанглийских памятниках конечные рифмоиды, не связанные с аллитерацией ни по расположению, ни по смысловой нагруженности и отличающиеся от нее функционально. Эмбриональная конечная рифма усиливает внутристриховую цезуру и разбивает

ритмический ряд долгой строки на отдельные стиховые единицы. Этот вид созвучий, уже в типологически ранних памятниках полностью обособившийся от породившего его синтаксического параллелизма, обозначает структурное отношение одного звукового ряда к другому, превосходящая строфичность организации стиха.

В типологически ранних памятниках, восходящих к устной традиции, присутствие созвучий факультативно и расположение их не предуказано законами метрики. В них преобладают типы рифмы, служащие укреплению аллитерационного стиха (анафорические и стыковые созвучия, рифма в нечетных кратких строках). Однако в произведениях стадияльно поздних отдельные виды звуковых повторов начинают выделяться своей употребительностью и закрепляются за определенными местами строки. Конечная рифма превосходит по своей употребительности и функциональной значимости другие типы созвучий, принимающие участие в звуковой инструментровке стиха. В стадияльно поздних памятниках рифмованные парные формулы и сложные слова с созвучными компонентами встречаются все реже и совсем исчезают в отдельных поэмах Англосаксонской хроники. Постепенное увеличение числа и значимости рифмы-концовки и ослабление аллитерации делает возможным появление на свет таких произведений, как «Смерть Альфреда» (точно датируемого 1036 г., благодаря контексту Англосаксонской хроники), использующим и рифму, и аллитерацию, и «Рифмованной поэмы», сочиненной рифмованным стихом с аллитерацией, в которых функция конечной рифмы более всего приближается к композиционной. В этих поэмах обозначается функциональный перевес конечной рифмы не только над другими видами неканонизованных созвучий, но и над аллитерацией, поэтому их изучение позволяет наметить историческую перспективу развития рифмы в рамках новой средневековой системы стихосложения.

Исследование звуковых повторов оказывается надежным показателем относительной типологической архаичности памятника, а потому может применяться при датировке древнеанглийских текстов, которой посвящено немало исследований [Amos 1980; Fulk 1992; Bredehoft 2005]. Изучение рифмы может быть использовано в дополнение других критериев для установления стадияльной древности текстов, таких как изменения в фонологии (синкопа и апокопа безударных, появление эпентетических гласных, удлинение гласных в результате выпадения [h], сокращения вследствие выпадения интервокальных [h], [j], [w]), морфонологии, метрике, местоположении цезуры и аллитерационных канонах. Выделение в древнеанглийских поэтических памятниках функционально от-

личных друг от друга типов созвучий дает возможность наметить разные потенции в истории рифмы, на которых основывает свой выбор новая, пришедшая на смену аллитерационной, система стихосложения.

Литература

- Матюшина 2008 – *Матюшина И.Г.* Об эволюции англосаксонского стиха // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика (ко дню рождения О.А. Смирницкой): сб. научных статей. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 251–281.
- Смирницкая 1970 – *Смирницкая О.А.* Лингвистические факторы развития и гибели аллитерационного стиха в Англии // Вопросы английской филологии: Ученые записки факультета иностранных языков Тульского государственного педагогического института. Тула: Тульский гос. пед. ин-т, 1970. Вып. 3. С. 71–89.
- Смирницкая 1982а – *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982. С. 171–232.
- Смирницкая 1982б – *Смирницкая О.А.* Метрические единицы аллитерационного стиха: К проблеме языка германской эпической поэзии // Художественный язык Средневековья. М.: Наука, 1982. С. 266–271.
- Смирницкая 1994 – *Смирницкая О.А.* Стих и язык древнегерманской поэзии. М.: Наука, 1994. Т. 1, 2. 712 с.
- Amos 1980 – *Amos A.C.* Linguistic means of dating Old English literary texts. Cambridge MA: Medieval Academy of America, 1980. 210 p.
- Atherton 2022 – *Atherton M.* Rhyme and reason in the battle of Maldon // Tradition and innovation in Old English metre. In memory of A.J. Bliss / ed. by R.A. Burns, R.J. Pasqual. York: Arc Humanities Press, 2022. P. 104–120.
- Bredchoft 2005 – *Bredchoft T.A.* Early English metre. Toronto: University of Toronto Press, 2005. 225 p.
- Frog 2023 – *Frog.* Rhyme in dróttkvætt, from Old Germanic Inheritance to Contemporary Poetic Ecology II: Rhyme as an Inherited Device of Old Germanic Verse // Studia Metrica et Poetica. 2023. No. 10.2. P. 32–60.
- Fulk 1992 – *Fulk R.D.* A history of Old English meter, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1992. 428 p. (The Middle Ages Series)
- Hutcheson 1995 – *Hutcheson B.R.* Old English poetic metre. Rochester: Boydell & Brewer, 1995. 367 p.
- Matyushina 1994 – *Matyushina I.* On the development of rhyme in Old Norse poetry // Nordica Bergensia. 1994. Vol. 3. P. 103–138.
- Matyushina 2011 – *Matyushina I.* Rhymed formulas in Anglo-Saxon verse // La formule dans la littérature et civilisation de l'Angleterre medieval / Ouvrage dirigé par C. Stevanovitch, É. Louviot, Ph. Mahoux-Pauzin, D. Hascoët. Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 2011. P. 31–53.

Terasawa 2011 – *Terasawa J.* Old English metre: An introduction. Toronto: University of Toronto Press, 2011. 154 p.

Toswell 2016 – *Toswell M.J., Brady L.* Early English poetic culture and meter: The influence of G.R. Russom. Kalamazoo MI: Medieval Institute Publications, 2016. 180 p.

References

- Amos, A.C. (1980), *Linguistic means of dating Old English literary texts*, Medieval Academy of America, Cambridge, USA.
- Atherton, M. (2022), “Rhyme and reason in the battle of Maldon”, in Burns, R.A. and Pasqual, R.J., eds., *Tradition and innovation in Old English metre. In memory of A.J. Bliss*, Arc Humanities Press, York, UK.
- Bredenhoft, T.A. (2005), *Early English metre*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Frog (2023), Rhyme in dróttkvætt, from Old Germanic Inheritance to Contemporary Poetic Ecology II: Rhyme as an Inherited Device of Old Germanic Verse, *Studia Metrica et Poetica*, no. 10.2, pp. 32–60.
- Fulk, R.D. (1992), *A history of Old English meter*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA. (*The Middle Ages Series*)
- Hutcheson, B.R. (1995), *Old English poetic metre*, Boydell & Brewer, Rochester, UK.
- Matyushina, I. (1994), “On the development of rhyme in Old Norse poetry”, *Nordica Bergensia*, vol. 3, pp. 103–138.
- Matyushina, I.G. (2008), “On the evolution of Old English verse”, in *Germanistika. Skandinavistika. Istoricheskaya poetika: (K dnyu rozhdeniya O.A. Smirnit'skoi): sbornik nauchnykh statei* [Germanic studies. Old Norse studies. Historical poetics. On the birthday of Olga Smirnit'skaya. Collected articles], MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 251–281.
- Matyushina, I.G. (2011), “Rhymed formulas in Anglo-Saxon verse”, in Stevanovitch, C., Louviot, É., Mahoux-Pauzin, Ph. and Hascoët, D., eds., *La formule dans la littérature et civilisation de l'Angleterre médiévale*, Presses Universitaires de Nancy, Nancy, France, pp. 31–53.
- Smirnit'skaya, O.A. (1970), “Linguistic reasons of the development and demise of alliterative verse in England”, *Voprosy angliiskoi filologii: Uchenye zapiski fakul'teta inostrannykh yazykov Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Studies in English philology: Scholarly articles of the Faculty of foreign languages of the Tula State Pedagogical Institute], Tul'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, Tula, USSR, iss. 3, pp. 71–89.
- Smirnit'skaya, O.A. (1982), “Poetic art of the Anglo-Saxons”, in Smirnit'skaya, O.A. and Tihomirov, V.G., eds., *Drevneanglijskaya poeziya* [Old English poetry], Nauka, Moscow, USSR, pp. 171–232.
- Smirnit'skaya, O.A. (1982), “Metrical units of alliterative verse. Concerning the language of Germanic epic poetry”, *Khudozhestvennyi yazyk Srednevekov'ya* [The artistic language of the Middle Ages], Nauka, Moscow, USSR.

- Smirnitskaya, O.A. (1994), *Stikh i yazyk drevnegermanskoj poezii* [Language and verse of Old Germanic alliterative verse], Nauka, Moscow, Russia, vol. 1, 2.
- Terasawa, J. (2011), *Old English metre: An introduction*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Toswell, M.J. and Brady, L. (2016), *Early English poetic culture and meter: The influence of G.R. Russom*, Western Michigan University, Kalamazoo, USA.

Информация об авторе

Инна Г. Матюшина, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; innamat@hotmail.co.uk

Information about the author

Inna G. Matyushina, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; innamat@hotmail.co.uk